

Н. Нейчев

**Таинственная поэтика
Ф. М. Достоевского**

ББК Ш5(2=р)5-4
Н 468

Научный редактор
Подчиненов А. В.

Научный консультант
Летова И. А.

Н 468 Нейчев Н.

Таинственная поэтика Ф. М. Достоевского : [монография] / Н. Нейчев
[пер. с болг. Т. Нейчевой ; предисл. И. Есаулова]. – Екатеринбург : Изд-во Урал.
ун-та, 2010. – 316 с.

ISBN 978-5-7996-0561-2

Книга известного болгарского ученого, профессора Пловдивского университета Николая Нейчева открывает новые грани художественного мира романов Ф. М. Достоевского. Автор рассматривает творчество писателя сквозь призму православного учения, предоставляя читателю возможность осмыслить «тайну» поэтики его Пятикнижия на новом уровне.

Адресована филологам, специалистам по русской классической литературе, а также всем интересующимся творчеством Ф. М. Достоевского.

ББК Ш5(2=р)5-4

© Н. Нейчев, 2001
© Т. Нейчева, перевод, 2010
© И. Есаулов, предисловие, 2010
© Издание на русском языке.
ИПЦ «Издательство УрГУ», 2010

ISBN 978-5-7996-0561-2

Содержание

«Таинственная поэтика» христианского реализма	5
К русскому читателю	9
Предисловие	13
Часть 1. Ф. М. Достоевский и православие (экзистенциально-мировоззренческие аспекты)	17
Глава 1. Достоевский и ортодоксальное богослужение	17
Глава 2. Мировоззрение Ф. М. Достоевского в свете православного учения	51
2.1. Антропология Достоевского с точки зрения категории сновидения	51
2.2. Мировоззрение Достоевского и православная аскетика	73
Часть 2. Роман Достоевского: проблемы поэтики (типологические аспекты)	94
Глава 1. В поисках образа храма	94
Глава 2. Воплощение ортодоксального образа храма в последних романах Достоевского	128
Часть 3. Поэтика и герменевтика Пятикнижия	179
Глава 1. Тайна метаромана	179
Глава 2. Экзегетические примечания в связи с доминантной системой романов Пятикнижия	198
2.1. Роман «Подросток» — агиографические, храмовые и литургические особенности	198
2.2. Доминантная линия в романе «Преступление и наказание» — кризисное житие, наос храма и таинство покаяния	206
2.3. Роман «Идиот» как символическое выражение доминант: обожение человека, купол храма и таинство евхаристии	237
2.4. Доминантные акценты в романе «Бесы» — инфернальное «житие», крипта храма, таинство елеосвящения	248
2.5. «Братья Карамазовы» — завершающий агиографический этап: алтарная храмовость и таинство священства	258
Заключение	272
Примечания	276
Список литературы	303
Список принятых сокращений	314

«Таинственная поэтика» христианского реализма

Я очень рад, что русский читатель получил возможность ознакомиться с книгой талантливого болгарского исследователя Николая Нейчева. Это удивительная книга. Ученый рассматривает Достоевского так, как его еще никто не рассматривал ни в России, ни в мире. Он не просто декларирует, что русский писатель укоренен в духовном пространстве тысячелетней православной христианской традиции, — он пытается доказать (я бы сказал, с особой интеллектуальной дерзостью) нечто большее. Знаменитое Пятикнижие Достоевского в самом буквальном смысле *соборно*: не только замысел, но и поэтика его метаромана определяются догмато-мистической ортодоксией, храмовая архитектоника и литургический принцип православного богослужения эстетически проявляют себя буквально на всех уровнях текста. Должен признаться, что даже для меня, автора книги о соборности в русской литературе и цикла работ, в которых сделана попытка выявить художественные принципы неявной трансляции православной литургии на поэтику русской словесности, столь тотальное выявление скрытых христианских смыслов в поэтике Достоевского было своего рода неожиданностью, если не сказать — откровением.

Разумеется, то, что талантливо, увлекательно и в целом убедительно пытается доказать профессор Пловдивского университета, выросло не на пустом месте. Он сам указывает на русскую философскую традицию религиозного «ренессанса» начала прошлого века, однако Нейчеву явно не по душе размашистая нестрогость многих построений наших «религиозных философов» и их гиперкритицизм по отношению к историческому (т. е. реальному, а не выдуманному) православию. В современном русском литературоведении также имеется уже целое научное направление, которое его недоброжелатели слишком неточно и слишком обобщенно позиционируют как «религиозную филологию».

Однако талантливая книга Николая Нейчева представляет собой и интереснейший культурный феномен противостояния сегодняшнему «мейнстриму» в изучении нашей литературы в современной европейс-

кой и — шире — западной русистике. И в ней имеются исследования, в которых раньше нас, русских ученых, делались попытки выявить то, что я называю православным кодом русской словесности. Это работы Даяны Томпсон из Кембриджа, Пер-Арне Будина из Стокгольма, Юстейна Бернесса из Бергена и некоторых других. Однако именно для православной Болгарии, как это ни странно на первый взгляд, подход Нейчева является уникальным. Впрочем, не только для Болгарии, но и для России тоже (несмотря на те ростки нового, о которых шла речь выше), как и для других восточно-европейских стран «победившего социализма». И даже понятно, почему...

Нейчев уже в само название книги ввел слово «поэтика». Уже поэтому ему было не обойтись без обращения к знаменитому бахтинскому труду. Однако правы ли мы сегодня, считая эту книгу своего рода «образцовым» научным трудом? Сравнительно недавно С. Г. Бочаровым была опубликована запись его разговоров с М. М. Бахтиным. Некоторые признания Бахтина очень трудно принять его апологетам. Оказывается, ученый был убежден, что в книге о Достоевском «оторвал форму от главного... Прямо не мог говорить о главных вопросах... философских, о том, чем мучился Достоевский всю жизнь — существованием Божиим. Мне ведь приходилось все время вилять — туда и обратно. Даже Церковь оговаривал». Теперь невозможно уже ни игнорировать это вынужденное умолчание, ни — тем более — пытаться превращать недостаток бахтинской работы, написанной «под... несвободным небом» (невозможность высказаться о «главных (!) вопросах»), в ее *достоинство*.

В условиях советской несвободы Бахтин, хотя и особо подчеркнул, что «впервые основную структурную особенность художественного мира Достоевского нащупал Вячеслав Иванов», однако не смог воспользоваться ивановским определением полифонического мышления Достоевского как мышления соборного. В итоге его центральная категория — *соборность* — на долгие десятилетия оказалась забытой. Бахтина трудно винить: появились эта и другая категории, свидетельствующие о православной традиции, в его работах, — эти труды автоматически были бы истолкованы в СССР как проявления монархизма и черносотенства. Именно такие обвинения были предъявлены, например, А. Ф. Лосеву после выхода его книги «Диалектика мифа». То же было инкриминировано и П. Флоренскому.

Ключевые моменты суждений о Достоевском крупнейшего русского символиста не только могут послужить обязательным «комментарием» к написанным позднее трудам Бахтина, но и реконструируют последующие

«фигуры умолчания» и намечают адекватный ценностям самого Достоевского контекст понимания. Бахтинская концепция полифонии оказывается онтологически родственной идее православной соборности — и вряд ли поэтому может быть адекватно воспринята без учета этого родства. Не случайно все-таки для Бахтина «Церковь как общение неслиянных душ, где сойдутся и грешники, и праведники», является именно таким *образом*, «к которому как бы тяготеет весь... мир» Достоевского, мир принципиально полифонический. Правда, Бахтин был вынужден «оговорить» Церковь в следующем же абзаце «Поэтики Достоевского», заявив: «...но и образ Церкви остается только образом, ничего не объясняющим в самой структуре романа». Вся книга Нейчева как будто призвана опровергнуть этот вынужденный «оговор»...

Именно поэтому представляется корректным и продуктивным восстановить в исторической поэтике те фигуры умолчания, те положения, о которых и хотел бы, но не мог высказаться в свое время М. М. Бахтин, что мы и видим в представляемой книге.

Мне думается, что описанием «таинственной поэтики» Достоевского болгарский ученый демонстрирует возможности того творческого принципа, который можно обозначить как христианский реализм. Как философский принцип он был осмыслен и именован в последнем труде С. Л. Франка «Свет во тьме», где философ обратился к духовному опыту русской литературы, однако эта терминология уже используется и в литературоведении. Понятие христианского реализма — явление совершенно иного семантического ряда, нежели принятые обозначения литературных направлений: речь идет о *трансисторическом* принципе, который проявляет себя в литературе и искусстве христианского типа культуры.

В свое время мне уже доводилось критиковать тех своих коллег-неофилов, которые добровольно из мира «большой» академической филологии словно бы ушли в некое «православное гетто», где они для своего внутреннего пользования выстраивают новую китайскую стену между светской культурой и православной духовностью. Я бы их назвал филологическими «законниками и фарисеями», поскольку они, как, кстати, и постсоветские «либералы», крайне узко понимают православную традицию, привычно сводя ее, в сущности, к идеологии, к набору «правил», отчужденных от человека.

Казалось бы, поэтому для меня должна быть сомнительной обозначенная в книге научная цель — смысл творчества Достоевского объяснить строгими принципами восточно-православной каноники, когда

«догмато-мистическая ортодоксия» представляется универсальной моделью для всех великих романов русского писателя.

Однако — вот же странное дело! — вчитываясь в порой головокружительные интеллектуальные построения Нейчева, который в Пятикнижии Достоевского усмотрел сложную систему художественной репрезентации храма, жития и таинства, далеко не случайно оказывающей столь сильное, можно сказать, мистическое воздействие на читателя, я не ощущаю ровным счетом никакого внутреннего сопротивления. Напротив, я испытываю своего рода интеллектуальное наслаждение. В чем же тут дело, помимо очевидного таланта самого ученого? Дело в том, что свои фундаментальные теоретические положения болгарский исследователь доказывает именно на уровне поэтики произведений Достоевского. Нейчев удачно избегает того, что часто вызывает отторжение — некорректной экстраполяции отдельных элементов православной догматики на корпус художественных текстов — без понимания значимости эстетической природы этих текстов, без понимания того, что это именно художественная литература. Тщательнейшее внимание именно к архитектонике романов Достоевского — вплоть до выявления в их поэтике храмового ансамбля и литургических (а не мистериальных) кодов — одна из существеннейших особенностей представляемой книги.

Часто цитируя А. Н. Веселовского, основателя исторической поэтики, мы порою как-то забываем вдуматься в то, как сам корифей нашей отечественной науки понимал задачу этой поэтики: «...определить роли и границы предания в процессе личного творчества». Исходя из этой чеканной формулировки, представляется не просто корректным, но и абсолютно необходимым определить «роль и границы предания», христианского предания в произведениях отечественной словесности. Именно поэтому вполне правомерно рассматривать поэтику русской литературы в контексте православной культуры — с ее собственными категориями, собственными представлениями о должном и недолжном, собственными рецептивными установками и собственной архитектоникой. Возможность такого подхода, его плодотворность для развития русистики и показал своей книгой о Достоевском Николай Нейчев.

Доктор филологических наук,
профессор Иван Есаулов

К русскому читателю

У книг иногда весьма странные *зачатие, рождение, жизнь*, а очень часто, *увы, и смерть*. Но бывает иногда у книг (впрочем, как правило, очень редко) и чудесное *воскресение*.

Работа над этой книгой началась действительно странно. Я, как теперь, припоминаю лето далекого 1988 года. Жара, только что закончилась сессия, я уже на втором курсе, по-сибаритски развалился на шезлонге у минерального бассейна какого-то дома отдыха (меня пригласили друзья) с сигаретой и рюмкой в руках (когда я поступал в университет, мне уже превалило за двадцать семь, так что в этом нельзя видеть ничего предосудительного) и ломал голову, с чего начать курсовую работу по русской классической литературе. В то время курсовые работы не были обязательными, но в случае успеха частично освобождали от экзамена по этой чудовищного объема литературе (а я тогда все еще не мог назвать себя читающим «атлетом»), так что смысл писать категорически был.

Я остановился на Достоевском: как говорится, помирать — так с музыкой! Полуприлегли в полутревожном состоянии духа, я не переставал ломать голову: Достоевский — хорошо, но что же, собственно, исследовать? Терзание это продолжалось уже месяц. И тогда неожиданно произошло странное и необъяснимое, чего и до сих пор не могу забыть. Что-то молниеносно, невыразимо, но одновременно с тем ярко и отчетливо поразило меня, как бриллиантовая пуля меж бровей, и все встало на свои места, кристально четкое — цельное, законченное и чистое, словно только что выкупанный малыш из лохани. И фундаментальная проблематика снов, и их структуроопределяющее расположение в тексте Достоевского, и их функция в его художественной системе, и храмовая композиция его поздней романистики — все сверкнуло в одно мгновение. Вот над чем должен был я работать...

Я не буду рассказывать ни о банальностях, связанных с медленным и мучительным трудом, с накоплением и обработкой доказательного материала, ни о еще более медленном и мучительном процессе написания исследования — это черная рабская работа, о которой не стоит даже говорить; важно было только то единственное счастливое мгновение, без

которого не было бы курсовой работы, она не переросла бы в дипломную, а через десяток лет (в 1997 году) и в кандидатскую диссертацию. Так что в некотором смысле я не вправе даже претендовать на авторство сочинения, независимо от того, что мое имя единолично «красуется» на переплете, потому что главное я получил неожиданно, полностью и без труда, как дорогой подарок в одно единственное мгновение.

Потом рукопись впала в забвение и только в 2001 году увидела белый свет уже книгой, без каких бы то ни было исправлений в тексте 1997 года. Постепенно книга копила тихую славу, но только в Болгарии. В 2006 году в Пловдиве состоялась очередная конференция Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), на которой я познакомился с двумя замечательными литературоведами, ставшими впоследствии моими друзьями, — профессором Татьяной Александровной Снигиревой и доцентом Алексеем Васильевичем Подчиненовым, преподавателями Уральского университета. На прощание я подарил им экземпляр книги. Некоторое время спустя Алексей Васильевич попросил меня написать представительный дайджест сочинения, который вышел в 2007 году в сборнике «Дергачевские чтения – 2006». Прошло еще около двух лет, и весной 2008 года я получил письмо от моего друга Алексея с неожиданным предложением издать полный текст книги в России. Я с радостью дал свое согласие. Вряд ли есть большее счастье для исследователя, чем перевод его книги на родной язык автора, чем осознание того, что она становится достоянием народа, создавшего великого писателя. Началось мучительное таинство, в процессе которого текст обрел свое «второе дыхание». Эту задачу взяла на себя моя супруга Таня, за переводческий подвиг которой, занявший более полугода, я приношу ей свою глубокую благодарность.

Необходимо подчеркнуть, что предложенный русскому читателю текст восходит к 1997 году. Конец 1980-х и начало 1990-х годов были трудным временем, но самой тяжелой была почти полная невозможность получить доступ к специализированной критической литературе, которая в значительной степени способствовала бы моим усилиям. Не буду перечислять все важные литературоведческие и духовные труды, доступ к которым по той или иной причине был для меня полностью закрыт. Достаточно упомянуть только концептуальное сочинение И. А. Есаулова «Категория соборности в русской литературе» (1995), которое в то время оставалось для меня совершенно неизвестным и которое, несомненно, оказало бы благоприятное воздействие на настоящее исследование. Тем более что духовный (религиозный) подход к творчеству Достоевского

(и не только этого писателя) тогда считался откровенной литературоведческой ересью. Поэтому постигнутое и изложенное мною в этой книге является в большей своей части плодом духовного предания и православной интуиции, а то, что осталось непостижимым, следует отнести на счет моего невежества.

С тех пор прошло много лет, много воды утекло, многое изменилось. Изменения наступили и в моем восприятии Достоевского. Важно отметить, однако, что эти изменения не были в состоянии радикально модифицировать глобальную модель концепции — они скорее в еще большей степени дополняли и объясняли ее.

Поэтому я предпочитаю опубликовать текст, предлагаемый русскому читателю, в его первоначальном виде. Я считаю, что он предоставит будущим интерпретаторам необходимую основу, но одновременно с тем и достаточную степень свободы в понимании великого русского писателя. Я полностью уверен в одном. Адекватное понимание Достоевского не зависит от национальных, этнических, расовых, половых или социальных факторов; не зависит от того, русский ты или болгарин, эфиопец, китаец; образован ты или нет; современник ли ты писателя или удален столетиями во времени — все эти факторы несущественны. Есть, однако, одно условие, без которого истинное сопереживание и толкование Достоевского невозможны. Оно состоит в том, что этот писатель — уникальный феномен православной культуры, и об этом надо помнить всегда, посему и последние глубины созданного им литературного мира останутся навсегда закрытыми для того, кто духовно чужд этой культуры.

Настоящая книга посвящена тому счастливому мгновению, без которого она бы не родилась. Она также является выражением благодарности моему дорогому другу Алексею Васильевичу Подчиненову, без которого она не воскресла бы к новой жизни в своем уже русском бытии.

Болгария, Пловдив. Сентябрь 2009 г.